

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Международный центр изучения русской философии

**ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ:
ПОЛИЛОГ ТРАДИЦИЙ**

**Санкт-Петербург
2020**

УДК 101.8 +303.01 +303.446.23 +93/94 +929
ББК 87.3(2)+63.3
И73

Утверждено к публикации Ученым советом Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Рецензенты:

д-р социол. наук, проф. *М. В. Масловский*
д-р филос. наук, проф. *Е. Г. Соколов*

Интеркультурная философия: полилог традиций:

Сб. трудов конференции / Отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас.
СПб.: Интерсоцис, 2020. – 287 с.

ISBN 978-5-94348-048-5

В сборнике публикуются тезисы докладов и статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на Седьмых международных чтениях «Интеркультурная философия: полилог традиций», проходивших 24–26 сентября 2020 г. в Социологическом институте РАН – филиале Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН при участии Международного центра изучения русской философии.

Для всех интересующихся русской философией и культурой, социологией, историографией.

DOI 10.31119/interculturalphilosophy2020

При поддержке

*Российского фонда фундаментальных исследований
(грант № 20-011-20008)*

ISBN 978-5-94348-048-5

© Интерсоцис, 2020
© Авторы статей, 2020

Содержание

ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРОБЛЕМЫ, КОНТЕКСТЫ, ПЕРСОНАЛИИ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

<i>Мелих Ю.Б.</i> «Поколение» как культурно-историческая категория для интерпретации полихронности и полифоничности культуры.....	9
<i>Марченко О.В.</i> Несколько замечаний о теме самобытности и заимствованиях в размышлениях русских мыслителей первой половины XX века.....	10
<i>Даренский В.Ю.</i> Еврейская составляющая русской философии: императив возрождения «библейского мышления»	12
<i>Савчук В.В.</i> Петербургская танатология – топологическое бремя русской философии	14
<i>Фокин С.Л.</i> Подорога и Достоевский: мимесис и литература как экономика обогащения	16
<i>Крюкова С.Л.</i> Языковой мир Андрея Платонова сквозь философскую оптику Валерия Подороги.....	17
<i>Дидык М.А., Ерыгин А.Н.</i> Идея истории: Гегель – Ясперс и Чичерин – Соловьев (Классичность и современность в русско-немецком историософском рефлексивном контексте).....	19
<i>Евлампиев И.И.</i> Концепция всеединства в русской философии и ее истоки в немецких системах XIX века.....	19
<i>Серкова В.А.</i> Платон, Соловьев, Деррида – интерпретации жизни и философии Сократа.....	23
<i>Петренко В.В.</i> П. Я. Чаадаев и русско-европейский интеллектуальный диалог: между субстанциальностью и перформативностью.....	26
<i>Малинов А.В.</i> Философия полилога: интеркультурный аспект	28
<i>Fornet-Betancourt R.</i> Die gegenwärtige Welt als Herausforderung für die Interkulturalität.....	29
<i>Степанянц М.Т.</i> Межкультурная философия как постигнутая в мышлении эпоха.....	30
<i>Djurković M.</i> Black Mirror and COVID 19: Biotechnological challenges for intercultural thinking.....	31
<i>Garrison J.</i> Interpretation (nicht Übersetzung) und philosophische Traditionen. Methodologische Betrachtungen	31

<i>Эпитейн М.Н.</i> Проективность как метод мышления. Переход от философского анализа к синтезу.....	32
<i>Суходуб Т.Д.</i> Интеркультурная философия: возможные пределы и пределы возможности.....	34
<i>Шиповалова Т.Д.</i> Возможности историко-эпистемологического подхода в интеркультурной философии.....	37
<i>Parkes G.</i> Engaging China on the Climate Crisis. A Model for a Global Conversation.....	38
<i>Губман Б.Л., Ануфриева К.В.</i> Paul Ricoeur as a transcultural thinker: A dialogue between hermeneutics and analytical philosophy of history	39
<i>Назарова О.А.</i> О сущностном отличии «меж-» от «интер-»: от межкультурного к интеркультурному философскому полилогу в европейском культурном пространстве.....	41
<i>Кауфман И.С.</i> Западная и советская культуры историографии науки (20–40-е гг.) в диалоге и столкновении	43
<i>Шибяева М.М.</i> Отечественная «поэзия мысли» в пространстве полилога традиций	44
<i>Михайлова Е.Е.</i> Дискурсивная полилогичность трудов Н. И. Кареева.....	46
<i>Ивонина О.И.</i> Образ Запада в русской религиозной философии истории.....	48
<i>Коробкова С.Н.</i> «Все мы одинаково Христовы»: интеркультурный проект русского философского реализма	50
<i>Безлепкин Н.И.</i> Историсофия в российском общественном сознании: истоки и причины влияния.....	53
<i>Володин А.В.</i> Принцип тождества в свете мистического опыта: от Г. Сузо и И. Таулера к П. Флоренскому	55
<i>Декань К.Ю.</i> Онтология как учение о бытии в контексте философского дискурса.....	57
<i>Мирошниченко Е.И.</i> Роль семьи в формировании мировоззрения и характера А. С. Хомякова и И. В. Киреевского	59
<i>Лосев А.В.</i> Философия от первого лица	61
<i>Гайкин В.А.</i> Запад и Восток: полилог религии, искусства, философии	62
<i>Максимов М.В., Максимова Л.М.</i> Философия всеединства В. С. Соловьева как транскультурный феномен.....	66
<i>Тимощук Е.А.</i> Феноменология в интеркультурном полилоге	67
<i>Цибизова Л.А.</i> О чем болит душа: Ф. Достоевский, К. Леонтьев, В. Розанов..	68
<i>Зинченко Т.Е.</i> Значение концепции личности в философии права В. С. Соловьева.....	70

<i>Ряполов С.В.</i> «Английский вопрос» в русской философской культуре первой половины XIX в.....	71
<i>Ким Ф.С.</i> Апология литературы как формы философствования: А. Амаладасс и Г.-К. Кальтенбруннер	73
<i>Коваль О.А.</i> «Мыслить поэтически»: Ханна Арендт и художественная литература	75
<i>Морозов В.Н.</i> Алхимическая натурфилософия мусульманского востока и практики переводов в русской интеллектуальной истории на рубеже XVIII–XIX вв.....	76
<i>Мещерина Е.Г.</i> Религиозно-философские аспекты творчества в ранних работах Ф. А. Степуна (статьи 1910–1913 гг.).....	78
<i>Ермишин О.Т.</i> Морфология культуры и искусства: концепции В. Н. Ильина и А. Г. Габричевского	79
<i>Бродский А.И.</i> Theologia militantis. Религиозный смысл войны: С. Н. Булгаков vs. Г. Ф. Гегель.....	81
<i>Пчелина О.В.</i> Полилог религии, культуры и философии: интерпретация Д. С. Мережковского	82
<i>Крупеца I.</i> We Could Be Cannibals After All. Descartes and the quest for universality, an intercultural reading.....	84
<i>Roni R.</i> Nietzsche und die Dekonstruktion von Identitäten: Die „Freigeister“ in den interkulturellen Gesellschaften.....	84
<i>Аляев Г.Е.</i> Философия в психологии и психология в философии: диалог С. Л. Франка и Л. Бинсвангера	85
<i>Киейзик Л.</i> Женщины в русской философии: культурные и интеркультурные портреты	86
<i>Boteva-Richter B.</i> Inter als Metamorphose des Denkens – Die Methode Watsujis und ihre Anwendbarkeit im interkulturellen Diskurs der Gegenwart	87
<i>Vicens J.</i> Ecological perspective on cities. A cosmological view on time and nature	87
<i>Saal B.</i> The Children’s Polylogue – Doing Philosophy with Children in Intercultural Encounters.....	88
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	
<i>Караваев Э.Ф.</i> Полилогичность философского мышления в свете теории лимитизма К. Ф. Жакова	90
<i>Рыбас А.Е.</i> Русская философия в контексте интеркультурных влияний: аспект позитивизма	96
<i>Гашков С.А.</i> Проблема возможности/невозможности историко-философской классификации в свете вопроса об интеркультурном полилоге	105

<i>Осипов И.Д.</i> Правовая коммуникация в культуре: контекст актуальности.....	111
<i>Соловьев В.М. В. В.</i> Розанов: ключ к пониманию русской культуры	119
<i>Матвеева И.Ю.</i> Влияние западной библеистики XIX века на интерпретацию образа Иисуса Христа в творчестве Ф. Достоевского (на примере книги Э. Ренана).....	134
<i>Ли Тяньюнь.</i> Будущее и бессмертие в религиозной философии Ф. М. Достоевского	147
<i>Осипова Т.А.</i> «От субъекта к проекту»: энтропия и негэнтропия «Я». От дискурсивной философии к философии визуальности.....	159
<i>Браславский Р.Г., Козловский В.В.</i> Цивилизационный анализ и модели истории в перспективе интеркультурного взаимодействия.....	164

ДИАЛОГ ТЕОЛОГО-ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

<i>Макаров Д.И.</i> Замечание о замечании. Об одном примере обращения В. В. Библихина к патристике (Климент Александрийский).....	176
<i>Бирюков Д.С.</i> Линии использования стоического учения о смещении тел в византийской богословской литературе	178
<i>Щукин Т.А.</i> Проблемы идентификации оппонентов в трактате Леонтия Иерусалимского «Против монофизитов»	181
<i>Мирошниченко Е.И.</i> Об источнике термина «ипостась» у Э. Левинаса.....	184
<i>Иваненко А.А.</i> Между трансценденцией и эмпиризмом: учение И. Г. Фихте о Боге	187
<i>Баранов В.А.</i> Учение об ангелах в «Точном изложении православной веры» преп. Иоанна Дамаскина.....	189
<i>Исаков А.Н.</i> Рецепция отечественной духовной традиции в современной литературе: на примере романов Евгения Водолазкина «Соловьев и Ларионов» и «Лавр»	190

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Ноговицин О.Н.</i> Физика, космология и экзегеза Писания в христологической полемике первой половины VI в.: солнце как пример уникальной составной природы в споре Иоанна Филопона и диофизитов о природе Христа.....	193
<i>Бирюков Д.С.</i> Космологическая полемика в «Против Евномия» Григория Нисского: с кем полемизирует Григорий?	199
<i>Щукин Т.А.</i> «Главы физические» Григория Паламы: исторический контекст, мотивация автора, адресат	204

<i>Протопопов И.А.</i> Онтологическое доказательство бытия бога в философии Гегеля.....	208
<i>Муравьев А.Н.</i> Гегель об истоке религиозного фанатизма в «Лекциях о доказательстве бытия бога»	216
<i>Бирюков Д.С., Хахалова А.А.</i> Миссионерский мотив в византиноцентризме И. В. Киреевского и его историческое значение.....	220
<i>Бирюков Д.С.</i> Тема самосозерцания ума у Григория Паламы: иудейский бэкграунд.....	225

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕТЕРБУРГА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

<i>Долгова Е.А.</i> Размышления «о проблемах кочевниковедения»: неопубликованное письмо П. А. Савицкого Н. И. Карееву, 1928.....	229
<i>Тоноян Л.Г.</i> Рукописная «Логика» Е. Б. Сырейщикова и ее роль в университетском образовании.....	230
<i>Слискова В.В.</i> Французский диалог Н. И. Кареева: переписка 1910–1920-х гг.	232
<i>Пешперова И.Ю.</i> Современные исследования по истории петербургской философии	233

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Ростовцев Е.А.</i> Цифровой поворот и проблемы истории науки.....	236
<i>Баринов Д.А., Сидорчук И.В.</i> «У нашей Натальи все люди каналы»: Дмитрий Мартынович Михайлин – декан философского факультета ЛГУ 1948–1951 гг.	248
<i>Потехина И.П.</i> Петербургская медиевистика и крах церковно-исторических штудий в первые десятилетия советской власти	259
<i>Сосницкий Д.А.</i> Материалы о жизни и творчестве А.А. Шахматова в собрании Отдела рукописей РНБ (к 100-летней годовщине со дня смерти)	265
<i>Тихонов И.Л.</i> Репрессии в ГАИМК: случай партийцев С. Д. Дмитрова и А. И. Кауля.....	270
<i>Рыбас А.Е.</i> Ленинградская школа философии науки: основные идеи и представители.....	276

Рыбас Александр Евгеньевич

Санкт-Петербургский гос. ун-т;

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА ФИЛОСОФИИ НАУКИ:
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ¹**

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения Ленинградской философской школы. Показывается, что по существу анализируемых вопросов и методологии исследований можно сделать вывод о том, что в этой школе преимущественно разрабатывалась философско-научная проблематика. Существующее в отечественной историко-философской литературе определение Ленинградской школы как школы онтологической (в противовес Московской гносеологической школе), на взгляд автора статьи, является устаревшим и неточным. Более того, оно затрудняет актуализацию философских достижений представителей Ленинградской школы, поскольку побуждает рассматривать их идеи исключительно в контексте споров вокруг определения материи, которые имели место среди теоретиков диалектического материализма в советское время. Напротив, прочтение работ, написанных ленинградскими философами в 1950-е – 1960-е гг., с точки зрения актуальной философии науки позволяет увидеть в них те философские новации и оригинальные решения, которые свидетельствуют как о высоком профессиональном уровне Ленинградской школы, так и о большом творческом потенциале их идей.

Ключевые слова: философия науки, Ленинградская школа философии науки, история русской философии, советский марксизм, философский факультет ЛГУ.

Закрепившееся в историко-философской литературе противопоставление Ленинградской онтологической школы и Московской гносеологической школы [5] побуждает рассматривать философские новации Ленинградской школы исключительно в контексте специфики развития диалектического материализма в СССР во второй половине XX века. Между тем, значение идей, сформулированных ленинградскими философами, отнюдь не исчерпывается внесением уточнений в официально принятую ленинскую, «гносеологическую» трактовку материи. Дело в том, что в пылу полемики с московскими диалектиками ленинградские философы, осознанно или нет, опирались не только на труды классиков марксизма, но и учитывали достижения мировой, прежде всего европейской, философской мысли. В результате были затронуты и затем получили преимущественную разработку вопросы, относящиеся к проблематике актуальной философии того времени, а таковой являлась во

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00144 «Теоретическое наследие философии в Ленинграде-Петербурге. Вторая половина XX века».

второй половине XX века философия науки. Исходя из этого направление, возникшее на базе философского факультета ЛГУ, правильнее было бы называть Ленинградской школой философии науки. Тем самым открывается возможность для более широкого рассмотрения концепций ленинградских философов, вплоть до использования их в современных философских дискуссиях.

Можно выделить основополагающие принципы Ленинградской школы философии науки, разделявшиеся всеми ее представителями. Прежде всего, это принятие парадигмы «неклассической» науки, предполагающей использование концептуальных моделей в процессе познания. Моделирование объекта при этом мыслилось не как вспомогательное (необязательное) эвристическое средство, применявшееся на этапе умозрительного, или теоретического, исследования, а как существенный элемент самого познания, которое, в свою очередь, становилось принципиально гипотетическим. С этой точки зрения объект познания является не чем-то данным, статичным и обладающим не зависимыми от исследователя качествами, а представляет собой динамичную сложную систему отношений к другим объектам, с одной стороны, и к самому исследователю, с другой. Важным элементом неклассической науки является также понимание субъекта познания не как метафизически определенного константного наблюдателя, обладающего априорной сущностью и т.д., а как включенного в процесс познания и не отделимого от него его момента, поскольку содержание субъективности обуславливается актом познания ровно настолько, насколько процесс познания представляет собой результат субъективного моделирования: именно поэтому для теоретиков неклассической науки, отчетливо понимающих относительность истинности любых научных теорий, характерно использование таких типов описания и объяснения, которые непременно учитывают специфику средств и процедур исследовательской деятельности, представляя в явной форме содержание операциональных процедур введения научных понятий.

Следующим основополагающим принципом Ленинградской школы философии науки можно назвать попытку теоретического развития марксизма с целью демонстрации его существенной связи с неклассической наукой. Во второй половине XX в. советская философия, как и все общество, переживает период «оттепели», что, кроме всего прочего, открывало возможность для творческого прочтения классиков марксизма-ленинизма. В результате такого прочтения стал подвергаться критике официальный, сталинизированный марксизм, редуцированный до известной триады «диалектический материализм – исторический материализм – научный коммунизм» и претендовавший на статус «единственно верной научной философии». Обращаясь к первоисточникам, советские философы заново – а зачастую и впервые – открывают Маркса как такого мыслителя, который стремился скорее поставить вопросы, очертить направление возможного поиска, чем дать на них исчерпывающие и однозначные ответы. Наиболее востребованными и дискутируемыми в это

время оказались, как минимум, два положения марксистской философии: тезис об активности субъекта в процессе познания и учение о практике как критерии истины. Первое положение использовалось для критики объективизма во всех его вариациях и для доказательства того, что никакая, даже «научная» философия не может построить адекватную, единственно верную картину объективной реальности, чтобы заявить о знании наиболее общих ее законов. Более того, известное требование, согласно которому философы в своей познавательной деятельности должны опираться на достижения передовой науки, прежде всего естествознания, стало пониматься как указание на существенное отличие философии от науки. Действительно, если бы задача философии сводилась лишь к систематизации и обобщению результатов, добытых наукой, то такая философия практически ничем не отличалась бы от науки и поэтому была бы не нужна. Очевидно, что философское познание должно обладать своей спецификой, а эта последняя обуславливается, в частности, тем фактом, что философия – это не наука, ориентированная на изучение тотально детерминированного мира, а свободное творчество. Данный вывод подкреплялся цитатой из Маркса, 11-й тезис о Фейербахе которого гласил: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Марксистское учение о практике позволяло утверждать, что объект познания дан субъекту не статически, в форме созерцания, а процессуально, динамически, в форме практики, что при этом сама практика включается в процесс познания и, соответственно, входит в определение объекта, что практика, будучи окончательным и определенным критерием истины, тем не менее не является абсолютным критерием.

Наконец, основополагающим принципом Ленинградской школы философии науки является понимание необходимости творческого союза ученых и философов. С одной стороны, научные открытия и гипотезы становились предметом обсуждения среди философов, которые старались следить за развитием науки, рефлексировав над его результатами. С другой стороны, философские работы, представлявшие опыт такой рефлексии, пользовались авторитетом в глазах широкой научной общественности. Плодотворному взаимодействию философов и ученых способствовала сложившаяся атмосфера заинтересованного и открытого научного общения в ЛГУ во время «оттепели». С 1952 по 1964 гг. ректором университета был академик А. Д. Александров (1912–1999) – выдающийся математик, проявлявший искренний интерес к философии и поддерживавший исследования в области философии науки. Немаловажным является тот факт, что А. Д. Александров сам читал лекции по философским вопросам современной науки на философском факультете ЛГУ. Он был также автором философских эссе, посвященных осмыслению феномена науки и доказательству высокой этической ценности работы ученого (статьи на эту тему опубликованы в сборнике «Проблемы науки и позиция ученого» (1988)).

В это же время деканами философского факультета работают незаурядные и творческие личности, которые непосредственно, своим примером – научной работой, самостоятельностью и ответственностью поступков, организаторской деятельностью – стимулировали свободное философское мышление, насколько это было возможно в тогдашних условиях. В 1951 г. философский факультет ЛГУ возглавил В. П. Тугаринов (1898–1978). Докторская диссертация «Диалектический материализм о законе и закономерности», защищенная им в том же году и впоследствии изданная как монография «Законы объективного мира, их познание и использование» (1954), а также работа «Законы природы и общества» (1956), в которой новаторские идеи В. П. Тугаринова получили свое закрепление и развитие, привлекли внимание отечественных философов к разработке марксистской «онтологии», что предполагало, в свою очередь, изучение научно-философских сюжетов. В последующих публикациях В. П. Тугаринов обратился к аксиологической проблематике («О ценностях жизни и культуры» (1960), «Личность и общество» (1965), «Теория ценностей в марксизме» (1968)) и к проблематике философии сознания («Философия сознания» (1971)).

С 1960 по 1969 гг. деканом философского факультета ЛГУ являлся В. П. Рожин (1908–1986), деятельность которого была направлена на расширение факультета путем создания новых кафедр и вовлечения научно-преподавательского состава в работу междисциплинарных научно-исследовательских институтов. Важнейшим событием стало открытие кафедры современной зарубежной философии и социологии, что стимулировало интерес советских философов к европейской мысли и располагало их к диалогу и дискуссиям. Кроме того, В. П. Рожин принимал активное участие в обсуждении проблем, имеющих отношение к философии науки, и популяризировал их в своих публикациях – следует отметить прежде всего его монографию «Пути формирования научного мировоззрения» (Л., 1965). Неудивительно, что уровень научно-философских работ, написанных ленинградскими философами в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., был вполне сопоставим с мировым уровнем. Это доказывается, в частности, тем, что советских философов стали активно приглашать к участию в международных философских конгрессах и форумах, причем в состав оргкомитетов и руководителей секций этих мероприятий входили, как правило, те, кто занимался философией науки.

В Ленинградской школе философии науки разрабатывались вопросы, представляющие весь спектр проблематики актуальной философии науки. Прежде всего, это определение предметности философии науки, обоснование критериев научности знания, выявление и характеристика общих закономерностей возникновения, развития и функционирования науки как формы интеллектуальной активности человека и как социального института, логико-гносеологические, методологические, онтологические и аксиологические

проблемы науки, наконец, философские проблемы конкретных наук. Основателями и наиболее выдающимися представителями Ленинградской школы следует признать В. И. Свидерского (1910–1994) и В. А. Штоффа (1915–1984). Остановимся вкратце на характеристике их научно-философских идей.

В. И. Свидерский в 1955 г. защитил на философском факультете ЛГУ докторскую диссертацию «О развитии пространственно-временных представлений в физике и их философском значении». Монографии «Философское значение пространственно-временных представлений в физике» (1956) и «Пространство и время» (1958), написанные на основе докторской диссертации, представили его взгляды на пространство и время. Концепция пространства и времени, предложенная В. И. Свидерским, стала основанием для дальнейшего продумывания этих вопросов ленинградскими философами науки и до сих пор учитывается при написании научных статей и диссертаций. Суть этой концепции сводится к попытке предложить такое понимание указанных философских категорий, которое бы предполагало, с одной стороны, активность субъекта в процессе познания, а с другой, возможность объективного познания реальности. Таким образом, В. И. Свидерский как бы маневрирует между двумя полюсами философского осмысления пространства и времени: между признанием их в качестве априорных форм чувственного созерцания (что ведет к феноменализму и тезису о непознаваемости «вещей в себе») и догматическим отождествлением пространства и времени с бытием, или материей (что ведет к объективизму и наивному реализму – тем формам докритической философии, которые обуславливаются верой в совпадение порядка идей и порядка вещей). В итоге получился такой вывод: пространство и время выступают в качестве объективных форм существования материи, вечно движущейся и изменяющейся, однако сами они не суть материя; это, скорее, лишь то, что позволяет субъекту – постольку, поскольку он вовлечен в процесс познания – фиксировать относительную устойчивость и постоянную трансформацию материальных образований, или же объектов. При этом, согласно В. И. Свидерскому, пространство и время принципиально отличаются друг от друга, хотя и обладают одинаковыми существенными признаками. Общее между пространством и временем – то, что они характеризуются объективностью и всеобщностью, а также тем, что выражают некоторое отношение предметов друг к другу; различие между пространством и временем проистекает из специфики выражаемого ими отношения между предметами: пространство указывает на сосуществование предметов действительности, а время – на их изменение, длительность и порядок смены предметами друг друга. В связи с этим В. И. Свидерский писал: «Общее качественное различие пространства и времени имеет своим глубоким основанием качественные различия сторон сосуществования и изменения в бытии движущейся материи. Сосуществование, рядоположенность явлений и их изменение суть состояния, не сводимые друг к другу. Именно поэтому, несмотря на органиче-

ское единство, пространство и время не сводимы друг к другу» [16, с. 193].

Большое внимание В. И. Свидерский уделял обоснованию необходимости системного представления объекта. Он разработал научно-философские принципы анализа отношений между элементами внутри структуры и между элементами и структурой (главным образом в монографии «О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании», 1962). Большое количество работ В. И. Свидерского посвящены проблемам движения и развития и их философскому осмыслению («Противоречивость движения и её проявления», 1959; «Диалектический материализм об общих свойствах движения материи», 1962; «О противоречивости механического движения», 1962; «Некоторые особенности развития в объективном мире», 1964; «Некоторые вопросы диалектики изменения и развития», 1965). Наконец, В. И. Свидерский активно занимался разработкой проблем методологии философского познания, соотношения бытия и становления в предметах действительности («О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании», 1962; «О диалектике отношений», 1983), а также проблем конечности и бесконечности («Конечное и бесконечное: философский аспект проблемы», 1966). Эти исследования, по сути, заложили философские основания для анализа вопросов, связанных с нелинейными процессами.

Идеи В. И. Свидерского получили свое дальнейшее развитие в работах В. А. Штоффа, который сконцентрировал свое внимание прежде всего на исследовании роли моделей и моделирования в научном познании. Монография «Моделирование и философия» (1966), в которой были систематизированы философские новации В. А. Штоффа, опиравшегося в своих рассуждениях на тщательный анализ историко-философского и современного научно-исследовательского материала, не утратила своего теоретического значения и сейчас. Кроме того, она свидетельствует о широчайшей эрудиции автора, а также о его умении находить аргументы в пользу своих утверждений в самых разных философских школах и традициях.

В монографии представлено всестороннее рассмотрение метода моделирования, который В. А. Штофф отказывается признавать продуктом современной научной мысли, ссылаясь на то, что этим методом, осознанно или нет, пользовалось мыслящее человечество всегда, на всех этапах своего интеллектуального развития. Отсюда, согласно В. А. Штоффу, многозначность термина «модель», привычка использовать этот термин в различных сферах научной и ненаучной деятельности. Изначально свою задачу В. А. Штофф формулирует весьма скромно: дать четкое и адекватное определение термина «модель» и затем описать специфику моделирования как метода, средства и формы научного и философского познания. Однако реализация этой задачи потребовала от автора затронуть целый ряд смежных тем, в результате чего исследование, посвященное, казалось бы, частному гносеологическому вопросу, превратилось в подробное обоснование особой философской позиции.

Так, В. А. Штофф, размышляя о месте моделей в реальных и мысленных экспериментах, подробно останавливается на вопросах, касающихся соотношения чувственного и логического, эмпирического и теоретического, выясняет возможность и границы научного описания и объяснения, измерения, наблюдения и эксперимента и предлагает развернутую классификацию моделей – от вещественных до абстрактных, рассматривает проблемы истинности и наглядности научных моделей, показывает, что модельный эксперимент является критерием истинности теории, выступает способом интерпретации и научного объяснения, средством экспериментального исследования и т.д. В результате процесс познания был истолкован преимущественно как опыт моделирования объекта, а научная теория – как такое истолкование объективной реальности, в котором важное место отводилось и субъективному фактору. Тем самым была заявлена новая проблематика, продумывание которой привело к созданию динамической системно-структурной концепции, диалектически связавшей процесс познания и его предметность.

Оригинальность этой концепции обуславливается, как минимум, двумя теоретическими установками, которыми В. А. Штофф стремился руководствоваться в течение всей своей научно-философской деятельности. С одной стороны, он развивал ленинскую теорию отражения, считавшуюся в официальном советском марксизме основным аргументом в пользу научности философии, поскольку эта теория была направлена против агностицизма и субъективизма, с другой стороны, он опирался на атрибутивное истолкование материи, предложенное В. И. Свидерским. Понятия «модели» и «моделирования» как раз и позволили В. А. Штоффу осуществить синтез теории отражения и атрибутивной концепции материи (которая иногда, вследствие определенной редукции, называется «отологической»). «Под моделью, – писал В. А. Штофф, выражая свою точку зрения, – понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [17, с. 19]. Таким образом, моделирование реализуется на практике не только как создание субъективно значимой схемы упорядочивания опыта, или потока эмпирических данных, но и как отражение объективной реальности. При выполнении соответствующих условий удобство представления сущего в качестве логически упорядоченной системы не препятствует его познанию, а, наоборот, во многом способствует ему. Отражение в данном случае является диалектическим, т. е. оно мыслится как сложный и противоречивый процесс взаимодействия чувственного и рационального познания, мыслительной и практической деятельности человека, как процесс, в котором человек не пассивно приспосабливается к внешнему миру, а сам воздействует на него, преобразуя и подчиняя его своим целям. Акцент на моделировании как принципе познания помогает В. А. Штоффу подчеркнуть активность субъекта, его

заинтересованность в познании, которая, в свою очередь, обуславливается не только стремлением построить объективно истинную картину мира (как если бы в ней «не было человека»), но и сугубо человеческими, или же субъективными, причинами и мотивами. Сбрасывать со счетов эти субъективные параметры, делает вывод В. А. Штофф, нельзя.

В ряде последующих публикаций («Методологические аспекты материалистической диалектики», 1974; «Проблемы диалектики», 1976; «Диалектика материального мира», 1985) В. А. Штофф настаивает на комплексном понимании философии. С его точки зрения, философия – это не только и не столько познание наиболее общих законов материальной и социальной жизни, но и понимание ценностной трансформации полученных сведений об окружающем мире в сознании человека. Функции философии, следовательно, многообразны. Прежде всего, В. А. Штофф выделял мировоззренческую и методологическую функции, считая их основными. Мировоззренческая функция многоаспектна, она включает в себя онтологический, гносеологический и социологический аспекты. Методологическая функция также представляет собой структуру, элементами которой являются общеметодологический, логико-методологический и аксиологический аспекты. Согласно В. А. Штоффу, все функции философии органично сочетаются друг с другом и дополняют друг друга, так что аналитическое исследование какой-либо из сторон философского знания предполагает обращение и ко всем остальным сторонам, а также исходит из понимания предметности философского познания в целом. В связи с этим вполне логично обращение к социально-культурной проблематике и к герменевтической проблематике человеческого понимания и общения, которое стало доминирующим в поздних работах В. А. Штоффа. Так, в статье «О соотношении объяснения и понимания в методологии общественных наук», написанной в соавторстве с Ю. М. Шилковым [18], затрагиваются вопросы гуманитарного познания и делается вывод о необходимости учитывать как объективные, так и субъективные, как социально-исторические, так и индивидуально-личностные, как логические, так и эмоциональные, как познавательные, так и коммуникативные факторы.

Как было сказано выше, работы В. И. Свидерского и В. А. Штоффа заложили основы для развития Ленинградской школы философии науки. Очевидно, что в рамках отдельной статьи невозможно даже вкратце охарактеризовать все достижения этой школы. Тем не менее, имеет смысл назвать основных ее представителей и систематизировать наиболее важные их идеи.

Прежде всего следует назвать А. С. Мамзина (род. 1928), занимавшегося сначала философскими проблемами естествознания, в частности биологии, а затем методологией научного познания, антропологией и социальной экологией. Кандидатская диссертация А. С. Мамзина «О форме и содержании в живой природе», защищенная на философском факультете ЛГУ в 1954 г., ста-

ла своего рода теоретической платформой для дальнейших его исследований. Отстаивая системный подход в биологии, А. С. Мамзин выступил с резкой критикой «лысенковщины», чем способствовал популяризации и развитию философии науки. В 1990-е гг. преимущественное внимание А. С. Мамзин уделяет рассмотрению проблемы человека в условиях кризиса современной техногенной цивилизации, анализу взаимоотношений естественных и искусственных явлений, определяющих существо человека и культуры. Закономерным итогом научно-философской деятельности А. С. Мамзина стала изданная под его редакцией монография «История и философия науки», в которой феномен науки был осмыслен с учетом основных позиций актуальной философии [8].

Значительный вклад в развитие Ленинградской школы философии науки внес Л. О. Резников (1905–1970), который изначально был заведующим кафедрой философии Ростовского университета, но затем был осужден за «антипартийную, чуждую интересам большевистской партии и советского народа деятельность, выразившуюся в пропаганде в своих работах идеологии буржуазного космополитизма, контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма» и сослан на десять лет в исправительно-трудовой лагерь. После своей реабилитации в 1954 г. Л. О. Резников не смог вернуться в Ростовский университет, но зато был принят в ЛГУ, где в должности профессора кафедры философии стал заниматься проблемами семиотики и семантики. Монография Л. О. Резникова «Гносеологические вопросы семиотики» (1964) отвечала интеллектуальным запросам времени и была переведена на многие иностранные языки.

Проблематикой философии науки с учетом специфики социогуманитарного познания занимался Г. А. Подкорытов (1922–2018). В его работах развивались тезисы об обусловленности содержания научного метода не только и даже не столько характером изучаемых объектов, сколько опытом их познания, успешным повторением познавательных приемов и процедур. Важнейшая монография Г. А. Подкорытова «Историзм как метод научного познания» была издана в 1967 г., а в 1988 г. вышла в свет более пространное исследование «О природе научного метода», в котором были систематизированы и развиты основополагающие научно-философские идеи автора.

Особо следует отметить творческую деятельность В. П. Бранского (1930–2017), одного из самых ярких представителей Ленинградской школы философии науки. Будучи последователем В. И. Свидерского и вполне принимая предложенное им атрибутивное истолкование материи, В. П. Бранский развивает его в направлении обоснования относительности каких-либо качественных характеристик сущего не только в контексте субъект-объектной диспозиции, предполагающей единство окружающего мира, но и в контексте множественности миров. В результате материя стала трактоваться им как самоорганизующаяся система неопределенного количества возможных атрибу-

тов, выделяемых человеком в процессе его познавательно-заинтересованной деятельности (это послужило причиной обращения к синергетике в поздних работах В. П. Бранского, например в монографиях «Социальная синергетика и теория наций» (2000), «Социальная синергетика и акмеология» (2001) и «Глобализация и синергетический историзм» (2004)), причем система эта предстала в качестве элемента другой системы, более широкой и принципиально открытой (это привело к созданию теории онтологического негеоцентризма и квантовой теории относительности; наиболее полно эти теории представлены в монографии «Философия физики XX в.» (2003)). Большое внимание в своих работах В. П. Бранский уделял методологии научного и философского познания, настаивал на необходимости синтеза эмпирического и умозрительного знания в его связи с творческим воображением. Последовательное применение этого принципа закономерно привело В. П. Бранского к рассмотрению вопросов, выходящих за рамки проблематики философии науки, однако непосредственно с ними связанных («Искусство и философия» (1999)).

Определенный интерес представляют и научно-философские работы А. С. Кармина (1931–2010), еще одного ученика В. И. Свидерского. Находясь в тесном научном общении с В. П. Бранским и другими представителями Ленинградской школы философии науки и разделяя все ее основополагающие теоретические установки и принципы, А. С. Кармин разрабатывал прежде всего проблемы, связанные с пониманием и интерпретацией бесконечности («Конечное и бесконечное. Философский аспект проблемы» (1966, в соавторстве с В. И. Свидерским), «Познание бесконечного» (1981)), а также с выяснением природы интуиции и определением сущностных особенностей творческого процесса.

К Ленинградской школе философии науки можно отнести еще целый ряд интересных ученых и мыслителей. Так, например, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. к проблематике философии науки вышел в своих исследованиях в области медицины и биологии В. П. Петленко [15], в это же время изучением философских проблем кибернетики и информационных процессов стал заниматься Б. В. Ахлибининский [3; 4], в середине 1960-х гг. оригинальную концепцию пространства и времени предложил А. М. Мостепаненко [14], которому принадлежат основательные работы по философии физики и космологии [13]. Определенный вклад в развитие философии науки внесли также М. С. Козлова [10], В. А. Асеев [1], Д. А. Гуцин [7], А. К. Астафьев [2], Л. М. Гутнер [6] и другие ленинградские философы. Наконец, важнейшее значение имеют научно-философские идеи Ю. М. Шилкова и Э. Ф. Караваева, которые выводят Ленинградскую школу философии науки на новый качественный уровень исследований.

Высшая школа Петербурга и петербургская философия

Литература:

1. *Ассеев В.А.* Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
2. *Астафьев А.К.* Философские аспекты синтеза понятий в технике и биологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
3. *Ахлибининский Б.В.* Кибернетика и проблемы развития. Л.: Лениздат, 1963.
4. *Ахлибининский Б.В.* Кибернетика и тайны психики. Л.: Лениздат, 1966.
5. *Вяккерев Ф.Ф.* Идеи и концепции Ленинградской онтологической школы // Вече: Альманах русской философии. Вып. 9. СПб., 1997. С. 190–200.
6. *Гутнер Л.М.* Методологические проблемы измерения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
7. *Гущин Д. А.* О природе информации // Вопросы философии и психологии: Сборник статей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
8. История и философия науки: Учебное пособие для аспирантов / Под ред. А. С. Мамзина. СПб.: Питер, 2008.
9. *Кармин А.С., Хайкин Е.П.* Творческая интуиция в науке. М.: Знание, 1971.
10. *Козлова М.С.* Философия и язык. М.: Мысль, 1972.
11. *Мамзин А.С.* О форме и содержании в живой природе. М.: Наука, 1968.
12. *Мамзин А.С.* Очерки по методологии эволюционной теории. Анализ некоторых проблем. Л.: Наука, 1974.
13. *Мостепаненко А.М.* Проблема существования в физике и космологии: мировоззренческие и методологические аспекты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
14. *Мостепаненко А.М.* Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат, 1974.
15. *Петленко В. П.* Основные философские вопросы биологии и медицины. Л.: Медицина, 1967.
16. *Свиредский В.И.* Пространство и время. М.: Госполитиздат, 1958.
17. *Штофф В.А.* Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966.
18. *Штофф В.А., Шилков Ю.М.* О соотношении объяснения и понимания в методологии общественных наук // Философские науки. 1984. № 2. С. 59–67.